

И. А. Тохчаровъ о „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ Каткова.

(По поводу записки г. тайнаго совѣтника Пржецлавскаго о „Московскихъ Вѣдомостяхъ“).

„Московскія Вѣдомости“, по мнѣнію г. тайн. сов. Пржецлавскаго, заняли въ русской журналистикѣ положеніе, несообразное съ обыкновеннымъ значеніемъ газеты въ государствѣ съ неограниченнымъ монархическимъ правленіемъ. Изъ этого проистекаетъ неестественное и вредное вліяніе этой газеты на общественное мнѣніе, какъ бы въ ущербъ силѣ и значенію правительственной власти.

Таковъ главный тезисъ записки г. Пржецлавскаго. Между прочимъ авторъ, разъяснивъ подробно отличіе журналистики въ конституціонныхъ государствахъ отъ журналистики въ неограниченныхъ монархическихъ странахъ, какъ наша, указываетъ на тѣ уклоненія отъ цензурнаго порядка разсматриваемой имъ газеты, которыя, по его мнѣнію, придаютъ ей характеръ журналовъ, возможныхъ только въ конституціонныхъ государствахъ.

Въ запискѣ г. Пржецлавскаго обращаютъ на себя особенное вниманіе три обстоятельства. Во-первыхъ, авторъ поставляетъ однѣ только „Московскія Вѣдомости“ въ отвѣтственность передъ правительствомъ за такія вины, которыя, какъ очевидно для всякаго, читающаго русскія журналы, раздѣляетъ съ „Московскими Вѣдомостями“ вся русская современная журналистика. Если призвать на судъ всѣ наши журналы

вмѣстѣ, то „Московскія Вѣдомости“ окажутся болѣе виновными противъ нихъ развѣ тѣмъ, что занимаютъ между ними, какъ говоритъ авторъ „Записки“, первое мѣсто.

Во-вторыхъ, фактическая сторона обвиненій противъ „Московскихъ Вѣдомостей“ замѣчательна неполнотой и слабостью. Положительнымъ обвиненіемъ можно только принять указаніе на допущеніе въ печать статей безъ дозволенія цензуры и на намеки на высшія должностныя лица въ государствѣ. Между тѣмъ авторъ записки мало принимаетъ или совсѣмъ не принимаетъ въ соображеніе главнаго мѣрила благонамѣренности или неблагонамѣренности журнала вообще—т.-е. его основного направленія.

Наконецъ, въ третьихъ, въ изложеніи (въ концѣ Записки) вредныхъ и опасныхъ послѣдствій—отъ вліянія, которое приобрѣли и еще приобретутъ „Московскія Вѣдомости“, авторъ впадаетъ въ замѣтное преувеличеніе и рисуетъ картину зла, у насъ невозможнаго.

Прежде нежели войду въ дальнѣйшее разсмотрѣніе сочиненія почетнаго Члена Совѣта, спѣшу оговориться, что я отнюдь не берусь быть адвокатомъ собственно „Московскихъ Вѣдомостей“, къ которымъ я расположенъ, какъ большинство Петербургской публики, т.-е. довольно равнодушно; я имѣю въ виду только выразить свое мнѣніе о томъ, что обвиненія, которыя обращены на „Московскія Вѣдомости“ и которымъ подлежатъ почти всѣ прочія газеты, не такъ важны, какъ они представляются автору „Записки“; что тѣхъ вредныхъ послѣдствій, какія онъ пророчитъ, или на какія намекаетъ, ни отъ настоящаго, ни отъ дальнѣйшаго вліянія газеты на общественное мнѣніе быть не можетъ, и что, наконецъ, какъ при нынѣшнемъ, такъ и при большемъ развитіи свободы прессы, не отъ „Московскихъ Вѣдомостей“ и имъ подобныхъ по направленію и убѣжденіямъ журналовъ, а съ какой-нибудь другой стороны и отъ другихъ причинъ и обстоятельствъ слѣдуетъ ожидать опасности и ограждать отъ нея общество (какъ, напримѣръ, отъ ученія крайняго матеріализма, подкапывающагося подъ религіозныя, нравственныя и государственныя основы и проч. и проч.). Обращаюсь къ „Московскимъ Вѣдомостямъ“.

Кто внезапно перенесется отъ прошлаго десятилѣтія къ нынѣшнему, тотъ конечно будетъ пораженъ разницею между прежними и современными журналами: такъ далеко послѣдніе

ушли впередъ отъ первыхъ—въ значеніи, характерѣ и тонѣ. Но кто слѣдилъ за постепеннымъ развитіемъ и успѣхами журналистики и слѣдовательно наблюдалъ и причины ея возрастающаго значенія, тому конечно такой журналъ, какъ „Московскія Вѣдомости“ покажется отнюдь не исключительнымъ, а только послѣдовательнымъ, въ ряду прочихъ, и потому нормальнымъ явленіемъ.

Что же сообщило нашей журнальной прессѣ нынѣшній ея характеръ и значеніе?

Отвѣтомъ на этотъ вопросъ можетъ служить характеристика современной эпохи, сдѣланная по особому случаю въ одномъ мѣстѣ самимъ авторомъ „Записки“: *„возникновеніе новыхъ отношеній и интересовъ и усложненіе прежнихъ, вслѣдствіе крестьянской реформы, событія внешней политики, недавній мятежъ, ожиданіе важныхъ нововведеній“* и т. д.

При такихъ капитальныхъ измѣненіяхъ, пошевелившихъ всѣ слои общества и народа, коснувшихся разныхъ общественныхъ и хозяйственныхъ вопросовъ, могла ли журналистика, имѣющая цѣлю и условіемъ такъ сказать своего существованіе отраженіе современной жизни, оставаться глухою, слѣпою, словомъ, мертвою въ общемъ движеніи преобразованій? Отвергать ея участіе въ этомъ движеніи и стараться видѣть въ ея дѣятельности только вредъ значить лишать ее всякаго серьезнаго значенія, осуждать на безмолвіе, или на такую роль, въ какой она въ нынѣшнее время оставаться не можетъ.

Журналы, и во главѣ ихъ „Московскія Вѣдомости“, не тайно, а всеоткрыто, а въ иныхъ случаяхъ съ одобренія даже самаго правительства, (какъ, напримѣръ, въ обсужденіи проекта судебной реформы) приобрѣтали себѣ право на то положеніе, въ которое стали нынѣ. Слѣдовательно, правительство, покровительствующее всякому благонамѣренному движенію впередъ всѣхъ умственныхъ и нравственныхъ силъ общества и народа, не считало конечно вреднымъ поднять уровень и общественнаго мнѣнія, а съ нимъ и печатныхъ органовъ его—журналовъ, если призывало первое, а отчасти и второе къ обсужденію государственныхъ и общественныхъ вопросовъ. Въ судебной реформѣ, какъ самъ авторъ говоритъ, обществу разрѣшено было участвовать черезъ печатные органы въ обсужденіи этого важнаго проекта. Прежде того, въ крестьянскомъ вопросѣ, послѣ необходимыхъ предосторожностей,

пока дѣло не достигло до извѣстнаго фазиса, также открыть былъ путь въ печать мнѣніямъ частныхъ людей; въ дѣлѣ преобразования училищъ, Министерство Народнаго Просвѣщенія, сколько мнѣ извѣстно, обратилось къ мнѣнію журнальной прессы. По вопросамъ о построеніи желѣзныхъ дорогъ, о кредитныхъ операціяхъ, о преобразованіи (или улучшеніи) быта духовенства и проч. и проч., хотя, можетъ быть, и не было дѣлаемо со стороны правительства положительныхъ предложеній къ обсужденію этихъ вопросовъ въ печати, однако же оно и не препятствовало скромнымъ и благонамѣреннымъ о нихъ отзывамъ, явившимся, какъ всѣ могли замѣтить, очень часто во всѣхъ газетахъ и журналахъ.

Вотъ, между прочимъ, одна изъ причинъ, которыя способствовали вывести журналистику изъ прежней узкой колеи и поставить ее въ новое и болѣе важное положеніе.

Дѣятельность журнальной прессы, а также значеніе и важность ея проявились особенно ярко, какъ и слѣдовало ожидать, во время польскаго мятежа. Съ этого времени „Московскія Вѣдомости“ заняли нынѣшнее свое положеніе и стали, какъ справедливо замѣчаетъ г. Пржецлавскій, на первое мѣсто. Этимъ газета обязана, говоритъ Его Превосходительство, „*искусству составленія передовыхъ статей, отличающихся необыкновеннымъ одушевленіемъ, смѣлостью воззрѣнія, настойчивостью требованій во имя русскихъ народныхъ и государственныхъ интересовъ*“, т.-е. чувству патріотизма и таланту. И въ этомъ, а не въ другихъ причинахъ, т.-е. въ патріотизмѣ и талантѣ и заключается вся тайна успѣха и вліянія газеты на общественное мнѣніе.

Другая газета „День“ подвизается съ меньшимъ патріотизмомъ и съ большимъ одушевленіемъ, но съ меньшимъ искусствомъ на томъ же поприщѣ—и какая разница въ успѣхѣ и вліяніи на общество!

Про другія газеты я не упоминаю, потому что онѣ слишкомъ во многомъ расходятся въ воззрѣніяхъ съ обѣими московскими газетами.

Г. Членъ Совѣта впрочемъ въ своей отрицательной похвалѣ какъ будто признаетъ заслугу г. Каткова по польскому вопросу и называетъ пріобрѣтенную имъ популярность въ этомъ дѣлѣ *естественною*. Всю же слѣдующую затѣмъ дѣятельность, или въ точности, всю, слѣдующую дѣятельностью пріобрѣтенную популярность г. Каткова, Его Превосходительство называетъ *искусственною*. Странное и невѣрное

раздѣленіе и опредѣленіе! Авторъ „Записки“ говоритъ: „когда миновался польскій мятежъ и не было матеріала, газета стала *изыскивать*, и даже *создавать* новые матеріалы, могущіе затронуть народное чувство“. *Изыскивать* матеріалы, т.-е. слѣдить за текущими явленіями и судить о нихъ: это такъ. Въ этомъ состоитъ профессія публициста; въ противномъ случаѣ онъ долженъ сложить руки и оставлять бѣлыми листы газеты. Но *создавать* матеріалы для газеты—нельзя, или, если можно, то съ тѣмъ, чтобы занять праздное любопытство такъ называемыми *пуфами* или *утками*, а не „затронуть народное чувство“. Если бъ газета позволила себѣ два—три раза прибѣгнуть къ такому способу; т.-е. стала выдумывать матеріалы, дѣлать натяжки, превращать муху въ слона, горячиться по-пустому, то не только не продолжала бы приобрѣтать, а скоро утратила бы и прежнее вліяніе.

Проведенную авторомъ параллель между журналами конституціонныхъ государствъ и нашими и найденное имъ сходство между первыми и „Московскими Вѣдомостями“—я нахожу невѣрными и совершенно лишними. Авторъ „Записки“ вовлекся въ подробности значенія журналовъ на западѣ и эти подробности придаюгь какой-то особенный вѣсъ самой „Запискѣ“, а не дѣлу, по поводу котораго она написана. Что общаго между тѣми журналами и „Московскими Вѣдомостями?“ Только—иногда тонъ, нѣкоторые, принятые всѣми газетами внѣшніе приемы и обороты языка, сдѣлавшіеся общими мѣстами, кое-гдѣ сужденія, имѣющія форму совѣта, и тому подобныя признаки всѣхъ газетъ въ мірѣ. Въ самой же сущности значенія, въ цѣли и *результатахъ* дѣятельности заграничныхъ газетъ я вижу совершенную разницу отъ нашихъ тамъ, гдѣ г. Пржецлавскій видитъ сходство. Слишкомъ долго и излишне было бы распространяться о существенныхъ чертахъ этой разницы, тѣмъ болѣе, что она и безъ того понятна для всѣхъ.

Въ нашихъ реформахъ, судебной, напримѣръ, въ ожидаемой реформѣ законовъ прессы и, можетъ быть, гдѣ-нибудь еще, пожалуй, отыщутся тоже наружныя подобія съ нѣкоторыми конституціонными формами и приемами: но подобія эти и ограничиваются или объясняются тѣмъ, что нѣкоторые институты, которые правительство признало полезными даровать Россіи, есть между прочимъ и въ конституціонныхъ государствахъ. Но не эти же институты составляютъ конституцію.

Обращаясь къ „Московскимъ Вѣдомостямъ“, надо помнить, что редакція ихъ, въ другомъ своемъ журналѣ, и именно въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, если не ошибаюсь, въ прошломъ году, очень неблагопріятно отнеслась, въ одной статьѣ, къ конституціоннымъ договорамъ, или къ *письменнымъ условіямъ* между властью и народомъ, и прочнѣйшею основою государственнаго строя (въ Россіи, сколько я помню) считало взаимное довѣріе и единеніе духа между властью и поданными. Серьезная редакція „Русскаго Вѣстника“, съ перенесеніемъ дѣятельности въ другой журналъ, конечно не измѣнила своихъ убѣжденій.

Вотъ, кажется, этимъ именно мѣриломъ, т.-е. сущностью основнаго направленія, слѣдуетъ опредѣлять дѣятельность газеты, а не подробностями, не мелкими увлеченіями, не нѣкоторою рѣзкостью и рѣшительностью въ тонѣ, даже не двумя—тремя уклоненіями отъ цензурнаго порядка.

Г. Пржецлавскій, говоря объ излишней, конституціонной, такъ сказать, смѣлости „Московскихъ Вѣдомостей“, между прочимъ ставитъ имъ въ вину, *что они свободно и развязно трактуютъ предметы высшей дипломатіи, оцѣняютъ и комментируютъ по-своему акты правительства* и т. д. Но какимъ же образомъ, дѣлая оплотъ Европейской журналистикѣ, напримѣръ, по польскому вопросу, могла газета обходить „предметы высшей дипломатіи“, когда вся цѣль ея, вся борьба состояла въ томъ, чтобъ опровергнуть эту „высшую дипломатію“ Европейской прессы, т.-е. обличить ея безстыдство? Какъ же было обойти молчаніемъ правительственные акты, начиная съ актовъ Вѣнскаго конгресса и кончая нотами князя Горчакова? Даже скромная наука, и та подала энергичскій готовъ въ этой полигической борьбѣ, чтобъ опровергнуть нелѣпость и ложь польскихъ притязаній и опозорить невѣжество подкупленныхъ публицистовъ.

По смыслу „Записки“ выходитъ такъ, что въ этомъ случаѣ (т.-е. въ случаѣ польскаго мятежа) газета могла возвышать свой голосъ до известной ноты, въ судебной реформѣ также, потому что само правительство вызывало ее на отвѣтъ, а загѣмъ она должна отречься отъ мысли и слова по другимъ вопросамъ и хранить безмолвіе, или надѣвать на себя маску неразвитости, незрѣлости и неумѣнья. Авторъ „Записки“ конечно понимаетъ, что такой порядокъ вещей недостижимъ. Какой же идеаль современной газеты имѣетъ въ виду Его Превосходительство?

Затѣмъ авторъ „Записки“ преувеличенно, какъ я сказалъ, изображаетъ послѣдствія положенія, занятаго „Московскими Вѣдомостями“. Онъ даже ставитъ такую дилемму, что „власть, или *согласуется* съ воззрѣніями и видами „Московскихъ Вѣдомостей“, и потому предвѣщаетъ коренное измѣненіе (?!) основъ государственнаго устройства, или же уклоненіе дѣлается помимо власти и она *уступаетъ* силѣ обстоятельствъ“.

Это очень важно сказано, но желательно бы было, чтобы поводъ къ тому былъ поважнѣе, нежели задоръ московской газеты.

Я не позволю себѣ объяснять мыслей высшей власти, но смѣю догадываться, что она не *уступаетъ*, а снисходительно сносить, вѣроятно пока считаетъ возможнымъ сносить, потому что чувствуетъ свою силу, и дѣйствуетъ, по моему мнѣнію, съ величайшимъ тактомъ. Кромѣ того, можетъ быть, въ этомъ снисхожденіи къ прыти бойкаго публициста кроется нѣкоторая доля признанія заслугъ Редакціи „Московскихъ Вѣдомостей“, какъ въ польскомъ дѣлѣ, такъ и по другимъ случаямъ, о которыхъ сейчасъ скажу и о которыхъ, кажется, къ сожалѣнію, не упоминается въ „Запискѣ“ (Записка дана была мнѣ на короткое время для прочтенія и у меня ея нѣтъ подъ рукой).

Редакція „Московскихъ Вѣдомостей“ и „Русскаго Вѣстника“ первая сдѣлала смѣлое и открытое нападеніе на Герцена и много способствовала къ отрезвленію молодого поколѣнія отъ его разрушительнаго вліянія. Тоже редакція всюду преслѣдовала, гдѣ замѣчала, и плоды этого опаснаго вліянія у насъ, проявлявшася въ такъ называемомъ „нигилистическомъ“ направленіи въ самомъ юномъ поколѣніи.

Все это, вмѣстѣ взятое, т.-е. и эти сейчасъ упомянутыя немаловажныя заслуги, и горячее участіе въ польскомъ вопросѣ, и вообще патриотическое направленіе газеты—служили вмѣстѣ съ тѣмъ къ выраженію ея profession de foi и служатъ порукою добрыхъ и твердыхъ цѣлей способствовать славѣ и пользѣ отечества.

Авторъ тревожится тѣмъ, что *общество наше будто бы находится въ напряженномъ положеніи, что возникновеніе новыхъ отношеній, реформы, событія политики, недавній мятежъ и проч., все это вызываетъ страсти и способствуетъ развитію тревожнаго, возбужденнаго настроенія, которое носится въ воздухѣ*. Напротивъ, реформы не возбуждаютъ, а успокаиваютъ умы: реформы, крестьянская,

судебная, отмѣна тѣлеснаго наказанія и рядъ другихъ улучшеній и преобразованій—все это предупреждаетъ потребности общества и народа, составляетъ славу Великаго Государа и пріобрѣтаетъ Ему обожаніе подданныхъ—вотъ одно господствующее *возбужденное настроеніе* въ Россіи! Слѣдовательно, публицисту, по указанію г. Пржецлавскаго, и не предстояло въ этомъ смыслѣ обязанности *успокаивать* страсти и взволнованные умы. „Московскія Вѣдомости“, сколько я помню, пробуждали одну страсть—это страсть патриотизма—противъ поляковъ и этимъ вдругъ пріобрѣла огромную популярность—и слава Богу! Въ другихъ же случаяхъ онѣ не забывали своей обязанности и успокаивали, какъ сказано выше, умы молодого поколѣнія, взволнованные Герценскимъ ученіемъ, несостоятельность и лживость котораго они энергически обличали и преслѣдовали, и тѣмъ сильно поколебали авторитетъ опаснаго героя. Слѣдовательно, и съ этой стороны редакторы „Московскихъ Вѣдомостей“ свою обязанность публициста исполнили честно.

Напрасно Его Превосходительство тревожится громкой популярностью г. Каткова и его настоящимъ и будущимъ вліаніемъ на общественное мнѣніе. Прежде всего надо опредѣлить, какое общественное мнѣніе? У насъ ихъ нѣсколько, или вѣрнѣе, два: Московское и Петербургское. Но послѣднее относится къ „Московскимъ Вѣдомостямъ“ холодно, а журналистика Петербургская непріязненно, можетъ быть, между прочимъ, *rag rivalité du metier*; первенствующее же общественное мнѣніе въ Россіи все, таки Петербургское. О другихъ краяхъ Россіи я не говорю, потому что населеніе наше не такъ велико, чтобы разсѣянные по разнымъ угламъ Россіи читающіе образованные люди могли гдѣ-нибудь образовывать мыслящую, да еще опасную для существующаго порядка, массу!

Что касается до Москвы, то, несмотря на свою старость, она подвержена юношескимъ увлеченіямъ и нерѣдко творила себѣ кумиры, къ которымъ потомъ сама же охладѣвала. Грибоѣдовъ навсегда и вѣрно опредѣлилъ характеръ ея волненій и увлеченій въ нѣсколькихъ стихахъ: *И о правительственной разѣ такъ толкуютъ* и т. д. до стиха: *Поспорятъ, пошумятъ и разойдутся*. Самъ же г. Пржецлавскій говорить, что по прекращеніи польскаго мятежа, популярность „Московскихъ Вѣдомостей“ становится *искусственной*. Развѣ можетъ быть опасна и вредна такая популярность, если оэт

правда? Развѣ можно выдуманнымъ матеріаломъ, подъ надзоромъ цензуры, смущать столицу и цѣлую страну, мороча публику натяжками, вымыслами и тому подобными способами?

Наконецъ, предположимъ, что г. Катковъ возвыситъ еще свой голосъ и (противъ ожиданія) станетъ касаться тѣхъ, несвойственныхъ существующему у насъ порядку сторонъ, на которыя намекаетъ Его Превосходительство, т.-е. заговорить о какихъ-нибудь перемѣнахъ и т. п. Кто же позволить ему это? И если бъ онъ вновь нарушилъ правила цензуры и напечаталъ безъ ея разрѣшенія, что могло бы помѣшать Правительству употребить всю мѣру строгости, даже, если бъ оказалось нужно, прекратить изданіе газеты? Ужели авторъ „Записки“ серьезно вѣритъ въ какое-нибудь волненіе, демонстрацію, опасность и т. п. со стороны читателей „Московскихъ Вѣдомостей“? *Поспорили и разошлись бы*, по словамъ Грибоѣдова. Полевой былъ въ свое время очень популяренъ въ Москвѣ; „Телеграфъ“ ходилъ по рукамъ и за редакторомъ точно также ухаживала Москва. „Телескопъ“ любилъ тамъ; въ новое время „Современникъ“ приобрѣлъ огромную популярность (года три тому назадъ) во всемъ молодомъ поколѣніи—и всѣ эти журналы подвергались временнымъ или совершеннымъ запрещеніямъ—и власть не встрѣтила никакого протеста, ни нареканія.

Но, кажется, объ этомъ не нужно распространяться. Какъ можетъ въ русскихъ людяхъ поколебаться вѣра въ авторитетъ правительства при неразрывномъ единеніи народа съ властью, основанномъ на глубочайшей, взаимной симпатіи и на тысячелѣтнихъ историческихъ традиціяхъ—и при томъ по поводу такихъ пустяковъ, какъ газета, потому только, что редактору ея дали обѣдъ въ клубѣ, а въ именины прислали адресъ? Не надо забывать, что побужденіями къ этимъ оваціямъ служили добрыя патріотическія чувства, которыми отличается и гордится Москва, и вѣрное выраженіе которыхъ она и оцѣнила въ газетѣ, притомъ въ такомъ дѣлѣ, гдѣ вся Россія мыслила и дѣйствовала совокупно, т.-е. въ польскомъ мятежѣ. Слѣдовательно, если бы Редакція газеты (чего, конечно, никто не ожидаетъ) вдругъ вздумала измѣнить своимъ убѣжденіямъ и стать на другой путь, то Москва конечно охладѣла бы къ ней, тѣмъ болѣе, что большинство читателей газеты составляетъ не толпа бурной молодежи, а зрѣлое поколѣніе, во главѣ котораго стоятъ мыслящіе и избранные люди столицы.

Въ заключеніе мнѣ остается вполнѣ согласиться съ авторомъ „Записки“ въ справедливости упрека, обращеннаго имъ къ редакціи „Московскихъ Вѣдомостей“, во-первыхъ, за неумѣстные намеки на высокопоставленные въ государствѣ лица и, во-вторыхъ, за печатаніе статей безъ дозволенія цензуры.

Въ первомъ случаѣ, Редакція вышла изъ границъ такта и приличія и небрежно отнеслась къ правительственнымъ авторитетамъ, что, конечно, при повтореніи, могло бы въ иныхъ слабыхъ головахъ (а ихъ не мало) породить сомнѣнія въ твердости правительства.

Во второмъ случаѣ, Редакція взяла на себя много смѣлости, сдѣлавъ попытку обойти существующія постановленія.

Совѣту по дѣламъ книгопечатанія было заявлено о взысканіи денежнаго штрафа съ виновныхъ въ нарушеніи цензурнаго порядка, т.-е. въ допущеніи въ печать статей безъ дозволенія цензуры: но повтореніе со стороны Редакціи одного и того же нарушенія два или три раза сразу показываетъ, что она предварительно измѣрила степень наказанія, вѣроятно не нашла послѣднее чувствительнымъ для себя и какъ будто напрашивалась на него. Это обстоятельство конечно не могло не обратить на себя строгаго вниманія правительства, и нѣтъ сомнѣнія, что, при новомъ подобномъ поступкѣ Редакціи газеты, будетъ положенъ предѣлъ неосторожному обращенію съдѣйствующими постановленіями. Высшее цензурное начальство, не лишая газету, по-прежнему, возможности быть полезною обществу, имѣетъ въ своемъ распоряженіи много энергическихъ средствъ напомнить забывчивой Редакціи черту, за которой кончается снисхожденіе правительства.

Членъ Совѣта по дѣламъ книгопечатанія *И. Гончаровъ.*
